

А. Ф. Щеглов

**[Анти]критика современных форм насилия
Славоем Жижекком**

A. F. Shcheglov

**[Anti]criticism of Contemporary Forms
of Violence Slavoj Zizek**

Статья посвящена философскому анализу представлений Славоя Жижека о насилии как исходном элементе при определении структур поля морали. Проанализирована правомерность выражения насилия через три его формы: объективную, субъективную и символическую. В частности, объективное насилие, наряду с насилием субъективным и символическим, является отправным моментом, источником, причиной зла как такового. Обоснована позиция С. Жижека, выразившего зло на примере социально-экономической системы капитализма, через триединство форм насилия (объективного, субъективного и символического). Также показана опасность недооценки значения этики как универсального регулятора общественных отношений. Определены две противоположные этические позиции, определяющие природу морали: этический априоризм, исходящий из внеполагания этических норм, и апостериоризм, полагающий, что мораль — это не готовая и сбалансированная система норм, ниспосланная обществу раз и навсегда, а становящаяся живая сущность, исходящая из глубин социального. На примере этической теории Алена Бадью проанализирована современная философско-этическая концепция, критикующая представления о происхождении традиционной морали.

Ключевые слова: этика, объективное, субъективное и символическое насилие, зло, капитализм, Другой, истина.

DOI 10.14258/izvasu(2014)2.1-43

Одним из непреложных оснований бытия человека, наряду, например, с физическим миром, является мораль. И поэтому при построении различных социально-философских концепций весьма легкомысленно недооценивать значение этики как универсального регулятора общественных отношений; такая позиция, как правило, влечет за собой негативные последствия. Исторических примеров подобному много. Достаточно вспомнить ветхозаветные города Содом и Гоморру [1, с. 27], наказанные сожжением огнем за моральную распущенность их жителей. Известно также предположение о том, что причиной заката

The article is devoted to the philosophical analysis of Slavoj Zizek's views on violence as a source element in determining the structure of the field of morality. The analysis is given to the validity of the expression of violence through its three forms: an objective, subjective and symbolic. In particular, objective violence, along with the subjective and symbolic violence, is a starting point, the source, the causes of evil itself. The article illustrates the position of S. Zizek who expressed evil as an example of socio-economic system of capitalism, a trinity of forms of violence (objective, subjective and symbolic). It also shows the danger of underestimating the importance of ethics as a universal regulator of social relations. Two opposing ethical positions that define the nature of morality are defined: the ethical apriorism coming from deviation from ethical norms, and aposteriorism based on the fact that morality is not a finished and balanced system of norms, sent down by the society once and for all, and becoming a living entity, coming from the depths of social. On the example of an ethical theory, Alain Badiou analyzes contemporary philosophical and ethical concept, criticizes the idea of the origin of traditional morality.

Key words: ethics, objective, subjective and symbolic violence, evil, capitalism, Another, truth.

Римской империи послужило падение нравов горожан [2]. Если говорить о более близких нам временах, можно вспомнить яркое аллегорическое упоминание российского президента о наблюдаемом сегодня дефиците «духовных скреп» [3] или совсем уж недавнюю череду потрясений во французском обществе, вызванных политическим решением президента страны о легализации однополых браков [4], посягнувшим на традиционные моральные устои французов.

Нравственная проблематика остается неисчерпаемым источником философствования как для мыслителей уже прошедших эпох, так и в настоящем. Анализ

философско-этических концепций, как классических, так и современных, позволяет полагать, что основной проблемой в этой области науки является определение природы морали, а также уяснение конструкции самого «поля» этики.

В решениях, предлагаемых исследователями этики по первой из обозначенных проблем, можно зафиксировать наличие двух противоположных позиций. Первая из них — этический априоризм — исходит из того, что моральные нормы появляются извне, в «готовом к употреблению» виде, и оттого обладают навязчиво-ригористским характером. Классическим примером подобной этической парадигмы может служить известная теория Иммануила Канта с центральным понятием «категорический императив» [5, с. 195]. Сторонники противоположной позиции, исходящей из апостериорного происхождения морали, полагают, что мораль — это не готовая и сбалансированная система норм, ниспосланная обществу раз и навсегда, а становящаяся живая сущность, исходящая из глубин социального и чутко реагирующая на окружающий мир. Помимо того, что такая позиция не отрывает поле морали от общества и позволяет мыслить мораль исторично, именно такая позиция, на наш взгляд, наиболее перспективна и в решении второй проблемы современной философии морали, обозначенной в статье, — уяснение конструкции самого морально-го поля, морали как системы.

Одной из последних наиболее ярких и оригинальных точек зрения в осмыслении поля морали явилась концепция видного представителя современной французской философии Алена Бадью. В своих размышлениях о задаче нравственности он, в частности, не склонен поддерживать идею всеобщности морали на том простом основании, что человек есть историческое, сконструированное понятие, принадлежащее определенному дискурсивному режиму, а не вневременная самоочевидность, способная служить основанием прав или некоей универсальной этики [6, с. 19]. Это значит, не может вестись и речи о традиционно понимаемой этике с классическим представлением об универсальности ее поля. В этом смысле он признавал представления о традиционной априористской морали устаревшими. Истинная этика, по Бадью, — этика истин. Этика как таковая в виде нравственно-ригористического этического монолита несостоятельна; есть только этика чего-то конкретного, фокусирующаяся в истине. «Нет этики, кроме этики истин» [6, с. 48].

Идейную линию, актуальную для современных французских мыслителей, подвергающих ревизии классические этические теории, продолжает словенский культуролог и социальный философ Славой Жижек. В частности, он, развивая идеи Бадью, для которого зло — ничто иное, как прерывание истины, подвергает анализу это одно из центральных понятий в этической философии, «отправную точку» классиче-

ской этической системы координат, выражаемую в категории «насилие». В понимании Жижека истинное, настоящее и наиболее проблемное насилие, с точки зрения необходимости реакции на него, — это насилие системное, или объективное. Оно как часть целого — насилия вообще выступает в единстве с двумя другими его видами — насилием субъективным и символическим. Но в этой связке объективное насилие является центром системы координат, «темной материей» социального, на фоне которой субъективное насилие воспринимается нами непосредственно в виде конкретных насильственных (например, террористических) актов, «выползающих» наружу и многократно усиливаемых СМИ. Именно объективный вид насилия для Жижека наиболее значим, а проявляет он себя в катастрофических последствиях «работы наших экономических и политических систем» [7, с. 6]. Этот вид насилия сам в высшей степени становится содержанием и смыслом политической системы.

О какой же политической системе идет речь у Жижека? Казалось бы, не надо быть провидцем, чтобы предположить: точкой приложения усилий для критики философом-фрейдомарксистом выступает современный капитализм, но, тем не менее, он упоминает и о противоположной по идеологии системе — коммунизме. При этом последний — либеральный коммунизм — трактуется им как капитализм, «свободный от трения», идеологами которого выступают «контркультурные помешанные компьютерщики, которые заняли руководящие посты в больших корпорациях», которых он по-жижекски метко называл идеологами «шоколадного слабительного» [7, с. 21]. Более того: автор в своей работе «О насилии» прямо указывает на сущность либерально-коммунистической этики, для которой благотворительность — лишь лицемерная «маска, скрывающая оскал экономической эксплуатации» [7, с. 22]. Однако именно капитализм для критического анализа Славоя Жижека более предпочтителен. Хотя бы потому, что он сегодня существует и претендует самим фактом своего существования на некую социальную универсальность. Но именно эта универсальность и является его «ахиллесовой пятой». Так, Жижек пишет: «Капитализм не просто универсален в себе, он универсален и для себя, он — громадная, подлинно разъедающая сила, которая обрекает на гибель все конкретные жизненные миры, культуры, традиции, кромсает их на куски, втягивает в свой смерч. Эта универсальность прямо действует как универсальность, как отрицающая сила — она опосредует и разрушает любое конкретное содержание» [7, с. 121].

Универсальность капитализма фаталистична; являясь нейтральной матрицей социальных отношений, он фактически не привязан ни к какой конкретной культуре или укладу. Капитализм сегодня — явление, не имеющее определенной социальной «про-

писки». К современному капиталистическому обществу нельзя применить термин «капиталистический народ» (по аналогии, например, с выражением «советский народ»). Это просто глобальный механизм рыночных отношений. Но исторический факт его становления именно в европейской социальной среде влечет за собой ряд серьезных проблем, прежде всего — для самой Европы. И его явная «гримаса» (и здесь с Жижекoм трудно не согласиться) проявляется в противоречии двух видов обращений: свободном обращении товаров для людей, открытом капитализмом, и жестко контролируемом им же обращении людей для товаров, которое в конечном счете выражается в их частичной управляемой сегрегации. «Фундаментальное разделение происходит между теми, кто входит в сферу (относительного) экономического процветания, и теми, кто из нее исключен» [7, с. 81].

По-иную быть и не может, поскольку единственная задача Капитала — получение прибыли. А справедливое ее распределение — это уже не его проблема. Здесь автор солидарен с К. Марксом: как аргументированно полагал последний, ради прибыли капитал готов на многое [8, с. 703]. Однако Жижек идет дальше и уточняет: капитал «преследует свою цель получения прибыли, сохраняя счастливое безразличие к тому, как его действия скажутся на социальной реальности» [7, с. 81]. Переключаясь в этом отношении с Жаком Лаканом, он обращает внимание на необходимость различения реальности и Реального. Последнее есть категоричная логика Капитала, «заряженного» на прибыль, тогда как реальность выражается в социальной действительности с ее нищетой и безысходностью.

Это значит, что не замечать социальную реальность нельзя: такая позиция приведет в конечном итоге к тяжелому антагонистическому противопоставлению Реального как должного реализоваться, стремящегося к реализации, как желания, и самой Реальности — социальной реальности Капитала. И именно в чреве последней зарождается, формируется и в конце концов выходит на авансцену Другой — тот, кто, по мысли французского философа Эммануэля Левинаса, является связующим звеном между нашим бытием и бытием Бога, а наше личностное бытие становится истинным только с принятием и пониманием Другого [9].

Однако, как Реальному принять Реальность в лице Другого? Или хотя бы сделать вид, что мы принимаем его? Выход из ситуации, предлагаемый капитализмом, — в идеологии толерантности, политкорректности и мультикультурализма. Но для начала Реальное со всей выразительностью, на которое оно только способно, обозначает свою нетерпимость к наиболее явному — субъективному насилию (для отвлечения внимания, оправдания его с целью, как потом

становится понятно, дальнейшего в нем участия): «Противодействие всем формам насилия — от прямого физического (массовые убийства, террор) до идеологического (расизм, речь-ненависть, половая дискриминация), — кажется, составляет главную заботу толерантного либерального подхода, господствующего сегодня» [7, с. 13].

Однако сама по себе политкорректность не может стать панацеей ни для капитализма, ни для его оппонентов. Она всего лишь ложь субъективной позиции высказывания и не решает задачу *изменения* (выделено нами. — А.Ш.) самой субъективной позиции. Толерантность с одним из ее аспектов — мультикультурализмом также означает только терпимость, но и у нее рано или поздно наступает предел. Свидетельство тому — недавние заявления лидеров ряда европейских стран (А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кэмерона) о провале проводимой в них долгое время политики мультикультурализма. Капитализму остается только активизировать борьбу с субъективным насилием как для отвлечения внимания от насилия объективного. Да и предложение Жижека — «разрушить социально-экономическую стену» [7, с. 82] также можно отнести к другой крайности.

Впрочем, насилие для философа не есть непреклонное зло. Диалектика насилия и ненасилия сегодня выражаются в том, что ненасилие, благотворительность только порождают насилие. Жижек справедливо утверждает: «Мы живем в обществе, где существует своеобразное гегельянское спекулятивное единство противоположностей. Социально-символическое насилие в чистом виде проявляется в своей противоположности как самопроизвольность среды, в которой мы живем, как воздух, которым мы дышим» [7, с. 32]. Объективное насилие есть причина насилия субъективного, объяснение его иррационального характера. Отсюда — и оправдание насилия (хотя и с некоторыми оговорками об избыточности агрессивности при насилии): власть, насилие — источник развития, блага. Неустойчивость вследствие стремления к большему — вот достойная альтернатива болотистой устойчивости, эгоизма.

Таким образом, критический анализ Славоем Жижекoм насилия есть лишнее свидетельство и весомый аргумент в борьбе с этическим априоризмом, выражающимся в требовании универсальной этики, в которой зло проявляет себя только лишь в акте субъективного насилия. Такая этика — это этика, где истинный конфликт завуалирован его видимым последствием. Это — этическая картина без Другого, без учета факта его существования и его интересов. В подобной этической модели насилие завуалировано, анонимно, оттого и опасно, и этот факт отнюдь не добавляет ясности в задачу определения природы морали. Также анализ зла как одной из центральных

категорий этики в форме его триединства (объективного, субъективного и символического), по нашему мнению, является оригинальным взглядом и суще-

ственным вкладом в этическую теорию применительно к задаче дальнейшего осмысления конструкции морального поля.

Библиографический список

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические: в русском переводе с параллельными местами и приложением. — М., 1996.
2. Миронов В.Б. Древний Рим. — М., 2007.
3. Послание Президента Федеральному Собранию 12.12.2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/news/17118/>
4. Во Франции легализованы однополые браки [Электронный ресурс]. — URL: <http://newsru.com/world/18may2013/ollandlaw.html/>
5. Кант И. Основы метафизики нравственности. — М., 1999.
6. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. — СПб., 2006.
7. Жижек С. О насилии. — М., 2010.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. — М., 1983. — Т. 1. Кн. 1.
9. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. — СПб., 1999.